

Ханс Ульрих Гумбрехт

*ДИКТАБЛАНДА**:
ЭПОХА ФРАНСИСКО ФРАНКО И ЕЕ МЕСТО
В ИСПАНСКОЙ ИСТОРИИ

Западные интеллектуалы, глядя на определенный упадок демократических стандартов в США, все чаще бросают восхищенный взгляд на успехи Китая и нередко задают себе вопрос: может ли временная отмена некоторых классических политических прав в долгосрочной перспективе расцениваться как благотворная, поскольку через *какое-то* время она приведет в том числе и к демократии? Сформулируем этот же вопрос, с недавних пор считающийся вполне приличным, еще короче: может ли временный отказ от демократических прав стать условием их будущего восстановления? Сначала, прежде чем перейти к конкретному материалу, укажу на проблематичность самой подобной постановки вопроса, с учетом того простого факта, что демократические права и демократическая процедура как постулат и принцип самого существования общества — в чем я убежден — обладают безусловным и неоспоримым приоритетом. Но об этом мы еще скажем в самом конце.

Конечно, я согласен, на XX век приходится несколько случаев, которые делают вопрос об эффекте временной приостановки действия демократических прав закономерным и даже привлекательным для интеллектуалов. Один из таких случаев общеизвестен — это диктатура генерала Франсиско Франко в Испании с 1939 по 1975 год. Из современной перспективы видно, что эпоха Франко была временем глубинных трансформаций, которые, скорее всего, и положили начало новой парламентской системе, впервые за всю испанскую историю оказавшейся стабильной и не грозящей новыми переворотами. Я попытаюсь объяснить, по возможности сжато, какие изъяны содержались и нуждались в «блокировке» внутри самой испанской традиции. Это объяснение можно разбить на пять схематически обозначенных этапов.

Первый этап: необычайно миролюбивое соседство христиан, иудеев и мусульман на Пиренеях на протяжении почти всего Средневековья сделало возможным появление своеобразной культуры субъективности. Далее, те формы существования, в которые облекались королевства полуострова,

* Каламбурное выражение «диктабланда» часто использовалось для характеристики политического климата времен правления Франсиско Франко, особенно последних его пятнадцати лет. В слове «диктатура» был вычленен корень «тура», означающий «строгий, суровый, жесткий», и заменен антонимическим корнем «бланда», обозначающим мягкость. Получается, что «диктабланда» — это противоположность суровым формам диктатуры, «мягкая диктатура», которая так и выглядела в глазах тех, кто жил при Франко. Когда я писал эту статью, я чаще всего заглядывал в подробнейшую и блистательно написанную книгу: *Preston Paul. Franco. A Biography. New York, 1994*. Некоторые положения, кратко излагаемые во вводной части статьи, я постарался с максимальной подробностью развить в своем труде: *Gumbrecht H.-U. Eine Geschichte der spanischen Literatur. Frankfurt am Main, 1990* [испанский перевод в наст. время в печати: Madrid, 2010].

прежде всего Кастильское и Арагонское, стали примером ранней политической модерности, которая заявила о себе и в открытии Нового Света, и в установлении централизованной власти, торжество которой ничем не омрачалось до 1600 года. Второй этап: главной причиной экономического, политического и, в конце концов, культурного упадка Испании стала неспособность понять законы денежного обращения, а если говорить в менее отвлеченных терминах, Испания сама себе уготовила инфляцию, не ограничив вовремя импорт драгоценных металлов из колоний. Третий этап: с начала XVIII века и затем в течение двух веков с лишним различные правительства при поддержке французской династии Бурбонов пытались восстановить былую славу нации, планируя разнообразные преобразования и провозглашая те или иные идеологические ценности. Но все эти попытки воздействовать на историю были тщетными и породили только все большие трения между двумя социально-идеологическим блоками: консерваторами, клерикалами и ксенофобами, с одной стороны, и прогрессистами, сторонниками секуляризма и почитателями чужих примеров — с другой. Этот разрыв даже породил миф о «двух Испаниях», одна из которых, по выражению поэта Антонио Мачадо, «застыла в каждом испанском сердце». Четвертый этап: Вторая республика, провозглашенная в 1931 году, стала триумфом прогрессистов и позднее социалистов, что спровоцировало в 1936 году реакцию не менее многочисленных консерваторов, и три года гражданской войны вылились в длительный период диктатуры (1939—1975). Пятый этап: быстро набрав обороты и сгладив противоречия прошлого с решительностью, нам уже непонятной (и мало кому из нас даже памятной), Испания после 1975 года стала экономически успешной и политически развитой нацией, которую уже ничто не связывает с прежней отсталостью и чередой кризисов.

Теперь, следя за обозначенной траекторией, нужно рассмотреть третий, четвертый и пятый этапы более пристально. Сначала я сфокусирую взгляд на периоде с 1700 по 1936 год и попытаюсь разобрать те различные мировоззрения и коллективные переживания, которые тогда были связаны в неразрывный узел и образовывали уникальную конструкцию «двух Испаний», а после поразмышляю над долгосрочными последствиями этой дилеммы. Затем, во второй части статьи, я попытаюсь разбить на этапы годы правления Франко, проанализировать диалектику открытости и закрытости, заодно вмешавшись в ход рассуждений со своими весьма симптоматичными воспоминаниями — как мне в студенческие годы довелось жить во франкистской Испании. В заключение я вернусь уже в ретроспективе к нашему роковому вопросу: имеет ли смысл рассматривать диктатуру как необходимое условие для выхода Испании из двухвекового национального кризиса? И вообще, есть ли какое-то действительное соответствие между начальной политической закрытостью и последующей политической открытостью или это только случайное объединение местных краткосрочных симптомов?

[1]

В отсутствие общепринятого консенсуса среди историков на этот счет я предпочитаю подразделять время между восхождением на престол Бурбонов в 1700 году и началом гражданской войны в 1936 году на три периода. Это в настоящем смысле периоды, то есть «циклы», так как каждый из

них воспроизводит определенные структурные паттерны и дальнюю связь событий. Первый «цикл» захватывает весь XVIII век и первые пятнадцать лет XIX века. Он вобрал в себя долгосрочные, но только частично удавшиеся попытки копировать применительно к испанской специфике те институты правления и образования, которые некогда обеспечили Франции ее блеск по сравнению со всеми европейскими дворами. Эти попытки продолжились и при наполеоновской оккупации, когда интеллектуальное недоверие к такому «офранцузиванию», а после и сопротивление с оружием в руках стали нормальным явлением, нам известным из произведений Франсиско Гойи. Вспомним, например, сцену из знаменитого цикла «Капричос», № 43, — рисунок показывает нам философа, который задремал, осененный крыльями злых птиц и летучих мышей. Пояснением к этой сцене выбраны слова «*El sueño de la razon produce monstrous*» — это можно переводить не только привычным «сон разума рождает чудовищ», но и как «сновидение разума *пробуждает* чудовищ» — оба значения слова *sueno* здесь сталкиваются в неизбежной двусмысленности, то отсылая нас к Просвещению, то пытаясь отвалить от него. Другая серия рисунков Гойи — «Ужасы войны» («*Los horrores de la Guerra*») — документально фиксирует акты безудержного насилия, совершенные французскими войсками и движением национального сопротивления — именно в том кипении масс была впервые изобретена герилья — известная всем нам партизанская война. Хотя Испания стала первой европейской нацией, с народным движением которой Наполеон вынужден был считаться, победа над Бонапартом принесла и глубочайшее разделение испанской нации: общество раскололось, с одной стороны, на республиканцев и сторонников конституционной монархии, которые объединились и выступили единым фронтом в парламенте в городе Кадис, а с другой — на ультраконсервативных роялистов, которые в союзе с церковью готовились торжествовать победу.

Второй исторический цикл, попавший в поле нашего рассмотрения, начался восхождением на престол в 1814 году короля из династии Бурбонов Фердинанда VII и завершился гибелью либеральных начинаний Первой республики в 1875 году. Десятилетия подавления свободы при Фердинанде перешли в невежественное и скандальное правление Изабеллы II — в стране, где почти еще не было промышленного производства. Попытка перенести модель конституционной монархии из Италии провалилась, и малыми силами испанских буржуа, которые были скорее свободными ремесленниками, чем финансовыми деятелями и промышленниками, на краткое время (1868—1875) удалось ввести республиканскую форму правления. Идеологической основой существования этой пресловутой «профессорской республики» стал извод гегелевской философии, получивший название «краусизма», — Гегеля удалось приспособить под нужды местного христианства и заодно привлечь образовательные учреждения к выполнению наскоро придуманной программы — других экономических и политических ресурсов у Первой республики не оказалось.

Монархия Бурбонов, восстановленная в 1875 году, легко меняла консервативные кабинеты на относительно либеральные и наоборот — манипулировать выборами было несложно. Когда в 1898 году Испания лишилась двух оставшихся заокеанских колоний, Кубы и Филиппин, причем при довольно нелепых обстоятельствах, все это вызвало чувство разочарования и породило тяжелейший кризис общественного самосознания с длительными

политическими последствиями. Критика национальных традиций с модернистских и либеральных позиций вполне вписывалась в общеевропейский сценарий развития политической жизни и при этом окончательно ослабила псевдоконституционную систему управления. В ситуации слабости и брожения неизбежен военный переворот — он и произошел в 1923 году, и его организаторы, включая короля Альфонса XIII, деда правящего ныне Хуана Карлоса I, пребывали у власти до самых выборов апреля 1931 года, когда победившие с большим отрывом республиканцы заставили короля отречься от престола. Вторая республика оказалась еще эфемернее, чем Первая, хотя ее провозглашение сопровождалось и подъемом патриотизма, и подлинно демократическим восторгом. Дело тут не только в экономическом кризисе, начавшемся в 1929 году, но в самой радикализации правительства под влиянием левых социалистов. Через три года после истребительной гражданской войны (в этом конфликте на Пиренеях Германия, Италия и СССР явно примеривались к тому, как вести всеевропейскую войну, должным образом реформировав армию и подновив идеологию) к власти вновь вернулись консервативные силы, на этот раз не остановившиеся ни перед каким насилием.

Летом 1936 года, когда раздались первые выстрелы гражданской войны, разрушившей самые основы существования общества, стало ясно, что давнее противостояние закончилось мощнейшим взрывом. Это было длительное двустороннее противоборство двух «наций», которые, если посмотреть на них внимательно, мало напоминали привычных «левых» и «правых» в других западных странах. Как я уже упоминал, либеральная элита Испании, несмотря на свою высокую культуру и моральный авторитет, не имела ни экономической поддержки, ни любви народа, часто и не знавшего, чем живут эти «профессора». Поэтому либералы чем дальше, тем больше политически зависели от набирающих вес радикальных пролетарских партий. Не думая ни о реальном раскладе сил, ни о сущности политических схваток, представители испанского либерализма исповедовали ценности Просвещения, подчеркивая свою несколько навязчивую тягу к секуляризации, чем выводили из себя все религиозно ориентированные слои. Консервативная же «нация» была сугубо клерикальной, не отступала от заветов церкви и не собиралась допускать вокруг себя нехристианский стиль жизни. Славя монархию, она не терпела никаких конституционных настроений — ведь королю полагается править только «Божьей милостью». Единственным следствием настойчивости левых в отстаивании секулярных ценностей стала необъяснимая неприязнь правых к масонству, которая в десятилетия правления Франко порой доходила до разоблачения «масонского заговора» антисемитами других стран. «Национальная политика» теперь означала еще и невежественное пренебрежение издавна очень сильными языковыми и культурными различиями в разных концах полуострова. Достаточно сказать, что в первые три четверти XX века не было выдвинуто ни одного консервативного толкования испанской нации, где отмечалось бы — или хотя бы признавалось — богатство составивших Испанию культур. Напротив, правые в 1920-е годы усвоили фашистскую идею «вертикальной» гармонии различных социальных классов. В то время как рабочие и крестьяне продолжали бороться хотя бы за минимальное облегчение своего положения, правые, как впоследствии и правительство Франко, славили мощь патриотического воспитания.

Франсиско Франко, выдающийся карьерист из военной академии, одержавший победу в гражданской войне, был подлинным воплощением типичных идиосинкразий испанского консерватизма. Его одиозная неприязнь к масонству и всем секулярным организациям (начиная от старомодных образовательных обществ и заканчивая пролетарскими левыми союзами) была чудовищной, безмерной и зачастую смехотворной. Его христианские убеждения и преданность национальной монархии как форме правления, в которой реализуется божественное мироустройство, могли хотя бы вызывать уважение, но при этом выглядели на редкость анахроничными для той ситуации. Наконец, вера Франко в единство и сплоченность испанской нации сопровождалась внутренним разладом, но она помогала ему упорно отстаивать национальную независимость, ничем не платя за ее счет Германии и Италии, которые помогли ему победить в гражданской войне.

[2]

1 апреля 1939 года, ровно за пять месяцев до нападения Германии на Польшу, которое и явилось началом Второй мировой войны, Франко выступил со знаменитым и по сей день заявлением, в котором торжественно провозгласил самого себя победителем в завершившейся войне между двумя Испаниями. Последующие шесть лет на официальном уровне он поддерживал дружеские отношения с фашистской Италией и нацистской Германией, двумя ведущими державами стран «оси», но при этом с удивительной прозорливостью, свидетельствующей о серьезном политическом опыте, избегал участия своей разоренной страны в военных действиях. Конечно, в Испании была своя фашистская партия, «Фаланга», с довольно малочисленным аппаратом управления, существовали и семейные связи между некоторыми знатными семействами, близкими Муссолини, и высокопоставленными офицерами армии Франко. Но генералиссимус осмелился отказать Гитлеру в использовании территории Испании в военных целях. Гитлер, в октябре 1940 года проехавший в вагоне через оккупированную Францию в приграничный город Эндайя [Hendaye], узнал там лишь о том, что его официальный союзник решил держаться подальше от германских планов. Современные историки даже убеждены, что во время войны правительство Франко готовило секретное соглашение с Пентагоном об американской операции в Средиземноморье.

Но, несмотря на столь дальновидные политические шаги, после поражения стран «оси» Испания оказалась в полной дипломатической и экономической изоляции и первые пятнадцать лет не могла выбраться из разрухи. В ответ на всеобщие неурядицы правительство выдвинуло совершенно нереалистичную программу экономической независимости (автаркии. — *Примеч. перев.*), в которой мы сейчас не обнаружим ничего, кроме идеологической косности. В отличие даже от разгромленной Германии, развязавшей войну, Испания не попала в число адресатов знаменитой американской программы помощи, инициированной госсекретарем А. Маршаллом. Отказ включить Испанию в число стран, подлежащих восстановлению, стал, вероятно, самым унижительным моментом испанской истории XX века. Стране ничего не оставалось, как принять помощь из Аргентины от четы Перон, позволив бывшей колонии обогатиться пропагандистским успехом за счет матери-метрополии. Социальное бесправие, заставлявшее балансировать на грани выживания, стало темой литературного течения,

получившего название «тремездизм». Самым знаменитым представителем его стал будущей нобелевский лауреат Хосе Камило Села; но еще поразительнее роман «Время молчания», великий пример экзистенциалистского произведения в испанской литературе, — написан он был молодым психиатром Луисом Мартином Сантосом, который был убит, вероятно, по заданию правительства Франко. При полной нечувствительности к духу перемен, «Закон о наследовании поста главы государства» хоть как-то обозначил смысл институтов тогдашнего диктатора, объявив Хуана Карлоса, сына дона Хуана де Бурбона, внука Альфонса XIII, наследником престола и преемником Франко. Это была не просто временная политическая стратегия — жест Франко в полной мере показал, сколь архаичен он был в своей приверженности идее неконституционной монархии, явно находя одобрение своих порывов в душах значительной части испанцев.

Только в 1958 году произошел политический прорыв. Американский президент Дуайт Эйзенхауэр посетил Мадрид с официальным визитом с целью добиться того, в чем было отказано Гитлеру, — военного присутствия США на испанской земле. Визит стал поворотным моментом, положившим начало многим мерам по либерализации страны: стала развиваться торговля со все большим числом западных держав, Испания открыла свои границы для постоянно растущего потока туристов, создав тем самым новую для себя индустрию туризма, отличающуюся необычайно высокой стабильностью. И наконец, сотням тысяч безработных вместе с их семьями было разрешено покинуть страну и влиться в бурную экономическую жизнь соседних стран — прежде всего Франции и Германии.

Все тридцать пять лет диктатуры Франко Испанию продолжали мучить призраки бесславных последних веков, и она стремилась избавиться от этих навязчивых видений. Центральными моментами официального консервативного мировоззрения стали отождествление всего национального с католической традицией, приверженность неконституционной монархии как основе государственной жизни и проповедь культурной гомогенности, которую ставили под вопрос разве что в иных частных беседах. До самой смерти Франко никто не смел и молвить о том, чтобы допустить на политическую арену разные партии, — правда, нужно отметить, что идеологических диссидентов преследовали в тогдашней Испании с меньшим усердием, чем региональные движения за независимость, которые подавлялись полицейскими и военными мерами. Конечно, образование на всех уровнях несло свою дань пропагандистским установкам диктатуры, но главным здесь оказался был эффект неидеологический. С начала 1960-х годов ультраконсервативная католическая организация мирян «Opus Dei» стала, с явной демонстративной целью, стремиться к росту профессионального уровня своих членов, меняя тем самым облик среднего класса: он не только расширялся, но и в определенной степени модернизировался. Хотя «Opus Dei» и не стал народной организацией и по-прежнему вызывает у многих недоверие, его деятельность заставила взглянуть на многие вещи по-новому и даже элита поддалась влиянию идейных принципов этой организации. А что до испанских *технократов*, они всегда были консервативны и не заставляли подозревать себя в идеологическом диссидентстве.

Когда мне было двадцать один, я проучился весь 1969/70 академический год в Саламанкском университете, одном из старейших в Европе. Саламанка — это город, в котором тогда проживало примерно сто тысяч жителей;

находится он в двухстах километрах западнее Мадрида и немного менее чем в ста километрах от границы с Португалией. Вспоминая обо всем с высоты сегодняшнего дня, я считаю некоторые из моих весьма наивных «первых впечатлений» необычайно симптоматическими для страны, которая тогда мыслила себя навсегда отброшенной на обочину истории. Я приехал на своей машине, и меня поразили сразу и плачевное качество местных дорог, и главное — их совершенная безлюдность. Владели автомобилем тогда в Испании лишь привилегированные люди, а путешествие еще не стало образом жизни и досуга. Но вскоре я узнал, что есть и шумные трассы, которые несколько раз в год бывают запружены машинами испанских и португальских эмигрантов, возвращающихся на каникулы в родные края со своими большими семьями: они привозят с собой подарки, необычно большие суммы денег и веяние совершенно незнакомого Испании стиля жизни. Тогда даже в центре Мадрида магазины напоминали до призрачности знакомые витрины социалистических стран Восточной Европы: каждый вид товара был представлен только одной маркой — точно так же существовала лишь одна национальная марка автомобиля, SEAT (дочернее предприятие итальянского FIAT; тогда выпускались всего две модели: малолитражный SEAT-600 и весьма старомодно тогда выглядевший седан SEAT-1500.

Марксистская литература или, например, антифранкистская история гражданской войны Хью Томаса продавались из-под прилавка, но у продавца можно было спрашивать о наличии этих книг, не опасаясь вызова полиции. Ведь к тому времени все уже знали (или хотя бы догадывались), что идут регулярные переговоры (или, скорее, предварительные консультации?) правительства и компартии, которую всякий желавший выглядела левым обязан был называть просто «партией» (el partido). Тогда давала о себе знать странная, происходившая из самых глубинных запросов нации солидарность, которая распространялась и на левых. Мне, как иностранцу, не полагалось критиковать испанское правительство, даже если это было правительство Франко, — ведь единственным ответом на такую бестактность могло бы стать злобное и саркастическое замечание вроде: «Так у нас Африка, у нас не Европа». Также путешественника не покидало чувство некоторого примитивного, но всамделишного превосходства режима Франко над режимом Салазара у соседних португальцев. Структурно два режима были сходны, но семантика сквозь эти структуры просвечивала различная: диктатура Салазара не оцетинивалась танками, но зато давила все живое своей нудной бюрократией. Пересечение границы с Португалией, к моему немалому изумлению, заняло не меньше времени, чем пересечение границы между двумя Германиями с западногерманским паспортом. А в самой Испании ничего, кажется, не менялось — там так же гордились общественным строем, так же стыдливо скрывали в потемках исторического центра обширные кварталы красных фонарей и, как всегда, продолжали изничтожать даже намек на политический сепаратизм провинций.

Та культура, которая открылась взору иностранного студента в последнее десятилетие правления Франко, была во многих отношениях предсказуема. Поскольку канон великих произведений «золотого века» испанской литературы, эпохи Сервантеса, Лопе де Веги и Кальдерона, был изучен еще на университетской скамье по убого изданным и плохо откомментированным книжкам, а также по лекциям обычно эрудированных, но еще

Диктабланда...

чаще совершенно заурядных профессоров, то молодое поколение усиленно пыталось найти «политические намеки», отсылки к «народу» и аллегории «левых ценностей» во всех современных испанских романах (включая даже тех авторов, которые не скрывали своих правых убеждений). Сейчас мы знаем, что в эти годы были написаны выдающиеся произведения, созданы великолепные произведения искусства, что бы мы ни говорили о язвах авторитарного вырождения. Я прежде всего могу вспомнить безжалостное описание телесной боли и психического страдания в романах Хосе Камило Селы, его невыносимый стиль, не случайно названный «тремандизмом». Но не могу не упомянуть впечатляющего зрелища мадридской суеты сует в конце сороковых в книге «Время молчания», где почти джойсовские обороты и лощеность слога служат созданию весьма своеобразного мира величественного убожества. Автором этой книги был Луис Мартин Сантос, молодой психиатр, сын франкистского генерала. Луис Мартин Сантос погиб в автокатастрофе, вероятно, подстроенной правительством, и его роман, как и многие другие выдающиеся произведения, остался одиноким криком в ночи. Неуслышанными остались и такие художники, как Э. Чильида и А. Тапиес, теперь столь высоко ценимые, — кажется, их замалчивали без всякого наущения со стороны властей. Специфическая для *диктабланды* конфигурация контроля сверху и определенной терпимости к неполитической оппозиции сделали возможными те эстетические жесты, которые превратили литературу и живопись в прислужниц [левой] политической ортодоксии. Иначе говоря, именно политические вкусы не дали младшим поколениям возможности в должной мере оценить творчество нескольких по-настоящему великих писателей и художников их эпохи.

[3]

Можем ли мы теперь утверждать, конечно, оставив в стороне показатели будущих эмпирических исследований, что тридцать пять лет диктатуры Франсиско Франко позволили Испании преодолеть в последние три десятилетия национальный кризис, отравлявший ее существование с начала XVIII века? Главным здесь оказалось то, что прежний конфликт между двумя исконными блоками испанского общества вошел в мягкую фазу. Конечно, эти блоки были сильны и в тот самый час, когда Франко провожали в последний путь в 1975 году; их легко обнаружить и сегодня — но от них не приходится ожидать уже ни насилия, ни даже вспышек гнева друг против друга. Дело в том, что в 1975 году много большему числу членов испанского общества было что терять, в смысле благополучия, статуса и, главное, реалистической надежды на лучшее будущее для себя лично и для детей, чем в 1939-м. Поначалу гладкий переход от одной формы правления к другой приковывал всеобщее внимание и вызывал интерес даже тех рабочих, которые смогли немного заработать и как-то обустроиться за границей, а теперь были готовы вернуться в вожделенную отчизну, где время Франко уже кончилось. Как раз тогда настал час представителей свободных профессий, которые, никогда не будучи верными трубадурами режима Франко, получили моральное право корректировать принципы монархического правления, придавая ему отчетливо конституционное направление. И наконец, исчезли некоторые традиционные поводы к внутренним политическим конфликтам. Испания, в отличие от Пор-

тугалии, не слишком пострадала от деколонизации, во всяком случае, ей не пришлось ломать себя и встраивать в новую политическую ситуацию. А противостояние правительства и олигархов при распределении национальных ресурсов было бы бессмысленно — Испания начала неуклонно вовлекаться в европейский общий рынок, испытывая на себе поступь глобальной экономики.

Драматические аспекты модернизации Испании весьма различны и по объему, и по содержанию, но они в данном случае представляют детали и потому не так важны для нашего разговора. Франсиско Франко пользовался немалым авторитетом, когда вводил новую форму правления, гораздо более отвечающую наступавшей тогда «постидеологической» эпохе. Как мы видим в исторической ретроспективе, еще в 1968 году так называемая студенческая революция проходила по идеологическому сценарию — это был последний случай, когда коллективная политическая акция во многом приводилась в движение классическими политическими идеями, столь же классически противостоящими другим идеям. Напротив, в 1975 году, то есть всего лишь восемь лет спустя, для гражданина не было уже большой разницы, быть ли ему левым или правым. Гораздо более значимым был институциональный переход Испании к нормам расширяющейся европейской экономики, оптимизму которой давно уже ничего не мешает. Поток туристов увеличился тогда почти до нынешних размеров, а крупные совместные предприятия дали новые рабочие места. Испания зарекомендовала себя надежным получателем инвестиций, и многие семьи эмигрантов поняли, что ничто теперь не препятствует их возвращению. А самое главное — настоящим подарком истории можно назвать то, что венценосный преемник Франко Хуан Карлос I стал безоговорочным сторонником смелых конституционных реформ, которые так долго пытались предотвратить генералиссимус и его весьма умеренное правительство.

Но ведь кажется, Испания продолжает платить по счетам за ту невольную конструктивную роль, которую диктаторский режим сыграл в «облегченном» переходе к нормальной демократии? Смее думать, что политический и экономический гнет франкистского режима обернулся парадоксальными эффектами. Навязчивая враждебность Франко ко всему секулярному невольно подготовила значительную часть испанской нации к принятию институтов гражданского общества. Равно как и несмолкающая пропаганда и силовое навязывание национального единства и культурной гомогенности ускорили нынешнее почти повсеместное стремление к местной автономии — хотя центральное правительство всякий раз пытается выдумать [компромиссные] рецепты, подходящие к каждому конкретному случаю. Но если в этой логике исходить из того, что самые закрытые системы могут оказаться наиболее восприимчивы к влияниям извне, тогда уж следует опасаться, что однажды сегодняшняя открытая экономика, свободная политическая и юридическая система Испании станут вдруг менее гибкими, чем прежний диктаторский режим.

Но как бы ни были продуктивны и в интеллектуальном, и в политическом плане такие опасения и размышления, мы не можем всерьез утверждать, что политические репрессии и культурная закрытость — это инструменты и, тем более, необходимые предпосылки установления демократических стандартов. В истории мы не можем найти никаких рецептов, по которым можно реорганизовать современную практику — ведь каждая ситуация прошлого и каждая ситуация настоящего вбирают в себя столь-

ко индивидуальных обстоятельств, что ее становится не с чем сравнивать. Можно ли сказать, что структуры и начинания, которые несли нравственное опустошение при Сталине, стали полезными в Испании середины XX века? Так или иначе, не следует лелеять надежду, пустую и призрачную надежду, что диктатура сама по себе произведет демократические эффекты. Только логика средневековых схоластов могла устанавливать отношения необходимости между подобными историческими казусами, и только бессердечный морализм может считать слезы угнетенных залогом лучшего будущего.

Но если даже говорить только о сфере практических дел, все равно следует признать, что не может быть никакой связи между страданием и успешной (или безуспешной) политикой. Мир экзистенциалистов с их идеей жертвы и жертвенности никак не может быть сопоставлен с миром (и соответствующей языковой игрой) политиков, во все века чающих собственного успеха. Эти игры отсылают к разным предметным областям и не находят кругов пересечения. Конечно, нам могут возразить, что само искусство политики состоит в совмещении несовместимого и в умении ловко обходиться с противоречиями. Но и в политической, и в практической жизни современной Испании у памятников жертвам гражданской войны и франкистского режима создается идентичность нации — и такая идентичность дарует радость и надежду, что не все потеряно и не все осквернено. Если послушать образовательные программы испанского телевидения или почитать ежедневные газеты, может создаться впечатление, что за тридцать шесть лет своего пребывания у власти Франсиско Франко оставался в стране единственным франкистом. Все знают, что это неправда, но значительное большинство жителей Испании склонны ныне думать именно так. Некоторые (и их явное меньшинство) воображают, что эти десятилетия диктатуры оказались залогом будущего демократического развития. Конечно, чистому интеллектуалу такое построение может даже показаться привлекательным — но нельзя сразу не задуматься и о том, сколь опасен подобный соблазн.

Пер. с англ. Александра Маркова